

DOI 10.15826/qr.2018.2.313

УДК 94(470)"1991/1999"+94(470.5)"1976/1985"+342.511+342.34+
+929ЕльцинБ.Н.

**ЕЛЬЦИН-ЦЕНТР:
ПРИТЯЖЕНИЕ СВОБОДЫ И ВЛАСТИ***

**THE BORIS YELTSIN PRESIDENTIAL CENTRE:
THE ATTRACTION OF FREEDOM AND POWER**

This paper summarises interviews with scholars from different cities regarding the Boris Yeltsin Presidential Centre, which has been operating in Yekaterinburg since 2015. The interviews not only concern the importance of the Yeltsin Centre as a cultural and research institution, but also historical memory about the Yeltsin era, issues of glorification and hero cults in Russian history, and, more broadly, issues connected with Yeltsin's name. The key topic of the interviews was the peculiar dialectics of freedom and power which manifested themselves so vividly during Yeltsin's life. The interviews took place at different times, yet the structure and logic of the talks were similar, which makes it possible for the journal to publish them as part of one talk. The interviewees were *Andrey Zorin* (Dr. Hab. (Philology), Professor; Oxford University, United Kingdom), *Evgeny Emelianov* (PhD (History); Boris Yeltsin Presidential Centre, Yekaterinburg), *Elena Burlina* (Dr. Hab. (Philosophy), Professor; Samara State Medical University), *Boris Orlov* and *Irina Lisovets* (PhDs (History); Ural Federal University).

Keywords: Boris Yeltsin Presidential Centre; historical memory; cult of personality; liberalism; democratic freedoms.

Настоящая статья суммирует материалы бесед с учеными из разных городов на тему о работающем с 2015 г. в Екатеринбурге Президентском центре Б. Н. Ельцина. Беседы эти касались не только актуальной значимости Ельцин-центра как культурной и научной институции, но и исторической памяти о ельцинской эпохе, проблем глорификации и культа героя в отечественной истории и – в широком смысле – тех вопросов истории России, которые связаны с именем Ельцина. Лейтмотивом беседы была проблема своеобразной диалектики свободы и власти, столь ярко проявившейся в истории жизни Ельцина. Интервью были проведены в разное время,

* *Citation:* Zorin, A., Emelianov, E., Burlina, E., Orlov, B., Lisovets, I. (Partic.). The Boris Yeltsin Presidential Centre: The Attraction of Freedom and Power. In *Quaestio Rossica*, 2018. Vol. 6, № 2, p. 565–578. DOI 10.15826/qr.2018.2.313.

Цитирование: The Boris Yeltsin Presidential Centre: The Attraction of Freedom and Power / A. Zorin, E. Emelianov, E. Burlina, B. Orlov, I. Lisovets // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 565–576. DOI 10.15826/qr.2018.2.313 / Ельцин-центр: притяжение свободы и власти / А. Зорин, Е. Емельянов, Е. Бурлина, И. Лисовец // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 565–578. DOI 10.15826/qr.2018.2.313.

но структура и логика их были одинаковыми, а потому журнал публикует данные материалы в форме единой беседы, хотя реплики участников были разнесены во времени. В обсуждении приняли участие доктор филологических наук, профессор Андрей Зорин (Оксфордский университет, Великобритания), кандидат исторических наук Евгений Емельянов (Президентский центр Б. Н. Ельцина), доктор философских наук, профессор Елена Бурлина (Самарский государственный медицинский университет), кандидаты философских наук Ирина Лисовец и Борис Орлов (Уральский федеральный университет).

Ключевые слова: Президентский центр Б. Н. Ельцина; историческая память; культ личности; либерализм; демократические свободы.

Мы ждём перемен!
В. Цой

Историческая справка

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина» был основан в соответствии с федеральным законом от 13 мая 2008 г. «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий». В 2015 г. в Екатеринбурге было открыто здание фонда, известное как Ельцин-центр. Оно представляет собой многофункциональный комплекс, включающий в себя Музей первого Президента России, арт-галерею, архив, библиотеку, кино- и конференц-зал и образовательный центр. Кроме того, ряд помещений Ельцин-центра на правах резидентов арендуют магазин интеллектуальной литературы «Пиотровский», кафе «1991» и др.

Зорин: Сегодняшний разговор, как мне представляется, можно разделить на несколько пластов. Это впечатления от посещения центра и в этом контексте обсуждение темы лидерства и исторической памяти, ее границ, законов глорификации, опасностей и закономерностей для ответа на социальные запросы, это место центра в системе города и значение для его населения, это, что важно сейчас, интерпретация личности самого Ельцина.

Емельянов: Я бы хотел коротко представить логику в организации центра. Главным элементом является Музей первого Президента России. Ориентиром при создании Ельцин-центра служили американские президентские библиотеки [Болтунова, с. 155]. Экспозицию музея спроектировало американское бюро Р. Аппельбаума (Ralph Appelbaum Associates – RAA), являющееся сегодня мировым лидером в этой сфере. Эта компания известна проектом «Музея холокоста»

в Вашингтоне (1993). Ее дизайнеры придумывали концепцию выставочного центра под вашингтонским Капитолием, делали американский Музей Первой мировой войны в Канзасе и лондонский Музей транспорта. В Москве РАА готовила выставочное пространство Еврейского музея и Центра толерантности. Яркая режиссура Павла Лунгина дала пространству Ельцин-центра событийный импульс, наделила его важнейшими политическими смыслами.

Основная экспозиция музея начинается с мультимедийной программы, рассказывающей об истории обретения свободы в России. Затем начинается лабиринт, посвященный метафоре «семи дней» сотворения свободы. В соотнесении с биографией первого президента показывается история страны от начала Первой мировой войны до перестройки. Пройдя лабиринт, посетители музея поднимаются на второй этаж и попадают на Президентскую площадь, куда выводят и семь разделов экспозиции. Здесь находится Зал свободы с мультимедийной экспозицией: известные люди и посетители музея рассказывают о том, что для них значит это понятие. Некоторые элементы музея повторяют ходы, типичные для президентских библиотек США: президентский кабинет и вводный фильм, дающий общую оценку исторической роли президента [Narro]. К числу таких элементов принадлежит и небольшая экспозиция с президентским транспортом и подарками Б. Н. Ельцину. Если в музеях отцов-основателей Европейского союза (К. Аденауэра, А. Де Гаспери, Ж. Монне, Р. Шумана) подобные экспозиции отсутствуют, то в музеях азиатских правителей (например, на Международной выставке дружбы в Пхеньяне или в Музее президента Туркменистана в Ашхабаде) они занимают едва ли не большую часть площадей. В российском центре Б. Н. Ельцина, как и в президентских библиотеках США, выставки подарков хотя и наличествуют, но играют лишь вспомогательную роль.

Экспозиции президентских библиотек США сфокусированы на биографии того или иного американского президента, в то время как экспозиция Музея Б. Н. Ельцина предлагает концептуальный взгляд на всю историю России от создания государства до конца XX в. Подобный подход к истории сближает Музей Б. Н. Ельцина с президентскими центрами постсоветских государств Казахстана и Азербайджана, открытыми в 2012 г. Президентский центр в Казахстане расположен в Астане и носит название Назарбаев Центр. Главным его элементом является библиотека первого президента Республики Казахстан, созданная в 2014 г. В 2016 г. в состав данной библиотеки вошёл одноимённый музей, открытый еще в 2004 г. в бывшей резиденции Н. А. Назарбаева. Азербайджанский президентский центр находится в Баку и носит название Центр Гейдара Алиева. Он расположен в авангардном здании, спроектированном знаменитой З. Хадид. Думаю, это связано с тем, что основной целью американских библиотек является глобализация института президентской власти [Hufbauer, p. 176–200]. А центры, работающие в странах СНГ, не отказываясь от подобной

Ельцин-центр. Интерьер. Фото А. Шадрин
The Yeltsin Centre. The interior. Photograph by A. Shadrin

глюрификации, демонстрируют глубокие исторические корни и традиции. Подобная задача актуальна для музеев тех стран, которые недавно обрели независимость. Только экспозиция Ельцин-центра должна подчеркнуть глубину и значимость истории не государства, а свободы и демократии в России. В США президентские библиотеки подчинены Национальному архиву и входят в федеральную систему архивных учреждений. А в России президентские центры выведены из прямого подчинения Росархиву, и важную роль в них играет Администрация президента. Именно она выступает в качестве учредителя и формирует состав попечительского совета, являющегося высшим органом управления центром. Американские образцы меняются в соответствии с особенностями российской политики и культуры.

Бурлина: Первое посещение Ельцин-центра летом 2017 г. превзошло все мои ожидания: грандиозное сооружение, не просто украшающее, но пересоздающее город, суперсовременный музейный дизайн, великолепная экскурсия. Меня несколько не смутили медийные решения, шумно и скандально обсуждавшиеся в прессе. Потрясли инсценировки – кабинет первого Президента России, баррикады. Незабываемые маркеры современной отечественной истории...

Лисовец: Я хотела бы заметить, что Ельцин-центр предстает многофункциональным культурным комплексом принципиально нового типа, где центральная мемориальная часть – Музей первого Президента – является не кладбищем артефактов, свидетельствующих о прошлом, но пространством событий, которые происходят перед глазами посетителей, здесь и сейчас.

Посетитель Ельцин-центра любого возраста (но конечно, прежде всего молодежь) попадает в пространство живой политики, где постоянно что-то происходит – сменяются художественные и фотовыставки, демонстрируются кинофильмы и театральные представления, работают лектории самой различной направленности, наконец, существует уникальный книжный магазин, где собраны книги самого широкого профиля и где проходят встречи с их авторами. Таким образом, в пространстве центра сделан акцент на стремлении к свободе и одновременно подчеркнуто, что само это стремление было задано Ельциным.

Бурлина: У меня сложилось несколько иное мнение о недостаточной вписанности центра в культурное и информационное городское пространство. Центр существует как бы сам по себе. Организационные и структурные «разрывы» ощущаются и в Екатеринбурге. На мой взгляд, есть элемент перегруженности экспозиции. Но главное – концепция Ельцин-центра живет как бы отдельно от мейнстрима школьных и вузовских учебников. Министерства образования разного уровня заказывают учебники без координации с крупнейшим исследовательским и просветительским институтом. В итоге не только школьники и студенты, но даже экскурсии туристов, приезжающих в Екатеринбург, проходят мимо. Вот конкретный пример. Мы остановились в одной гостинице с экскурсантами, которые приехали в Екатеринбург на автобусе из Поволжья, – учителями, преподавателями вузов, сельскими предпринимателями с детьми. Туристический день в Екатеринбурге был заполнен плотно: экскурсия по городу, посещение Храма-на-Крови, построенного на месте Ипатьевского дома, поездка в Ганину Яму... Но всей этой группе в 250 человек никто не предложил посещение Ельцин-центра. Одна из путешественниц спросила потом: «Разве это так важно?»

Здесь я могу провести параллель с многофункциональными центрами в Германии, с которыми мне доводилось сотрудничать, это серия немецких музеев новейшей истории «Дом немецкой истории». Они работают в Западной Германии – в Бонне, Штутгарте, Берлине и других городах.

В Бонне «Haus der Geschichte» был построен в 1986 г. напротив Бундестага. Его идея принадлежала канцлеру Гельмуту Колю. «Дом немецкой истории» трактовался как многопрофильный комплекс – музей, исследовательский и просветительский центр, представляющий итоги развития Западной Германии от «часа ноль» (8 мая 1945 г.) до конца 1980-х гг. Здесь был реализован принцип полифункциональности, близкий концепции Ельцин-центра, ориентированного на работу с разными группами публики, прежде всего со школьниками и молодежью. «Дом» имеет собственный фонд, авторитетную команду ученых и менеджеров, которые ведут обширную работу по самым разным направлениям. В сущности, музей как многофункциональный центр координирует связи науч-

ных исследований по современной немецкой истории с широкой аудиторией.

Посещение «Дома немецкой истории» бесплатно для всех групп населения. Нет, пожалуй, ни одного гимназиста в густонаселенном регионе Бонна – Кёльна – Дюссельдорфа, который бы не побывал там. Здесь вручают европейские музейные награды, здесь проходят международные конференции и небольшие семинары, здесь можно получить услуги по поиску архивных материалов и т. д.

Широкая известность «Дома немецкой истории» определяется высококлассными современными экспозициями. «Между Диснейлендом и музейным храмом» – так определил жанр своего музея бывший директор, профессор истории Г. Шефер. Так же считает и его старший коллега К. Худсон, председатель Европейского совета музеев и основоположник новой музейной философии: «В музее может быть все, кроме скуки» (цит. по: [Бурлина, с. 60]). Школьные посещения «подверстаны» к текущей учебе: в музейных декорациях формулируются темы рефератов по истории или деловых игр по истории и по предмету «Ценности и нормы». Например, дети читают доклады депутатов в зале Бундестага или пишут эссе, побывав «в черных комнатах» с материалами Нюрнбергского процесса. Разработаны типовые уроки, проходящие именно в этом музее – например, «Заседание бундестага». Школьные учебники скоординированы с научно-имиджевыми проектами этого и других подобных музеев. Семейные посещения, как правило, направлены на то, чтобы подробно рассмотреть уголки, перекликающиеся с историей семьи.

Каким же образом рождалась в Германии идея музеев современной истории, проповедующих отрицание тоталитаризма и покаяние, направленная буквально на каждого школьника или семью? Каким образом спаяла она общество? Кто продвигал столь необычную для страны, проигравшей войну, концепцию и структуры?

Как иностранный наблюдатель я была изумлена, выяснив для себя, как долго общество шло к теме «немецкой вины». После войны тему покаяния массовые медийные ресурсы приняли далеко не сразу, хотя ее и затрагивала интеллигенция. Разумеется, сразу после войны публиковались антивоенные эссе таких авторитетных философов как К. Ясперс, будоражили умы статьи Т. Манна, театральные спектакли с участием Г. Грюндгенса [Макарова]. Одним из первых толчков к массовому переформатированию сознания оказался «Дневник Анны Франк», вышедший на немецком языке в 1950 г.

Статья крупнейшего философа и социолога Франкфуртской школы Т. Адорно «Что значит проработка прошлого?» хорошо известна русскоязычному читателю по ключевой фразе: «После Аушвица немислима поэзия». Однако статью свою (впрочем, первоначально это была радиопередача, лишь позднее вышедшая брошюрой) Адорно посвятил проектированию будущего. Главная ее идея – «проработка прошлого» должна системно осуществляться через школы,

Б. Н. Ельцин. Музейная экспозиция. Фото И. Варламова
 B. N. Yeltsin. Museum exposition. Photograph by I. Varlamov

университеты и медийные ресурсы. Адорно подчеркивал: «Когда я говорю об образовании после Аушвица, я имею в виду две области: во-первых, детское образование, особенно в раннем возрасте, а, во-вторых, общее просвещение, способное обеспечить интеллектуальный, культурный и социальный климат, в котором повторение преступлений прошлого окажется невозможным, обстановку, в которой мотивации, приведшие к ужасу прошлого, будут относительно осознаны» [Адорно, с. 322–323].

Мир сегодня устроен так, что национальные проекты нередко становятся глобальными. К. Худсон – упоминавшийся выше председатель Европейского совета музеев – патриарх американского музейного дела; многие сотрудники «Дома» в Бонне стажировались в Америке, а их американские коллеги, в свою очередь, выступают как разработчики немецких музейных проектов. Конечно, и в Ельцин-центре есть сотрудники, учившиеся или работавшие за рубежом, а в Екатеринбург приезжают за опытом коллеги из разных стран.

Зорин: Я узнал свой образ Бориса Николаевича. Это был тот образ Ельцина, которым я жил и которым он был для меня, который задевал очень важные струны моей собственной истории, чувства невероятного чуда, поворота жизни, который произошел благодаря ему. Я написал некролог Ельцину, когда он умер (этот некролог был опубликован на сайте *InLiberty*). Ни один человек в мире из тех, кого я не знал лично, не сделал для меня столько, сколько Ельцин. Больше, чем ему, я могу быть благодарен только родителям, жене

и, возможно, кому-нибудь еще из близких людей. Но из тех людей, которых я не знал лично, более всего у меня есть основания быть благодарным Ельцину.

Мне очень понравилась идея закончить экспозицию Залом свободы и выходом. Что такое свобода? Собственно свободы вообще нет, есть только освобождение, она переживается в акте освобождения, разрыва, ухода, выхода за пределы. Это очень по-русски, именно жажда освобождения диктовала действия в последние дни Льва Толстого. И я заметил в экспозиции эти потрясающие точки в биографии президента: отставка с поста председателя, выход из партии, конференции, уход от власти... Здесь не хватает смерти как главного освобождения, которое бывает с человеком. Да, «free at last», как сказал Мартин Лютер Кинг, потому что это последнее освобождение, которое наступает у каждого человека. Конечно, в центре, построенном вокруг общественно-политической проблематики, трудно найти язык, чтобы говорить о вещах настолько экзистенциальных. Как это показать в экспозиции?

У свободы в нашем мире есть открытые враги, которые утверждают, что это просто специальная выдумка сильных, чтобы захватить власть или отстоять свое право, и поэтому не надо никакой свободы. Так что свобода – далеко не универсальная ценность. Другая серьезная проблема связана с тем, что первоначально свобода – это статус и привилегия, причем привилегия, в традиционном обществе получаемая по рождению. Свободный человек – это тот, кто не является рабом, входит в элиту общества. Значит, свобода, предполагая наличие свободных людей, предполагает и наличие рабов. Идея о том, что каждый человек является свободным по своей природе, невероятно революционная, очень радикальная, но очень молодая. Ей менее 250 лет, что для истории – просто миг.

Мысль, что свобода не привилегия, но прирожденное свойство человека, и она связана с тем, что никто ничего за тебя не может решать и выбирать и никакие преимущества в привилегиях (с чем сейчас более-менее все согласны), в рождении (с чем тоже все согласны), в половой принадлежности (что мы выяснили только лет сто назад или начали выяснять только лет сто назад), в социальном статусе и (что особенно тяжело дается людям интеллектуального труда) в образовании и интеллектуальном уровне не дают тебе права решать, что нужно другому человеку. Если ты умнее и образованнее, это не основание думать, что ты лучше другого знаешь, что ему надо. Это тяжелая мысль, она трудно дается, и поэтому огромное количество моих любимых и уважаемых коллег-интеллектуалов постоянно мечтает обслуживать власть, потому что им кажется, что они умные, и они сейчас скажут власти, как надо делать. Эта платоновская идея философа при тиране совершенно неискоренима. Уж не знаю, сладкая она или горькая, но все время хочется делать где-то что-то такое, с властителями рядом.

И вот что для меня было всегда поразительно в Ельцине – у него было чувство жажды личной свободы. Это при его-то страшной жизни в партийной среде! И я думаю, что эта свобода, к которой он стремился, которую он многим старался принести и которую он обрел в конце концов, только уйдя с поста Президента России, была свободой его человеческой реализации, попыткой вырваться за собственные пределы... В конце концов, это страшно русская вещь, и он относится к той же редкой категории замечательных русских людей, к которой относился Ломоносов, бросивший все и куда-то ушедший за обозом, к которой относился, безусловно, и Толстой, который был графом, аристократом и т. д. Вот из этой породы! Сейчас я работаю над биографией Толстого, и я читал лучшую, наверное, биографию Толстого из тех, которые написаны по-английски, авторства Эндрю Уилсона [Wilson]. И там сказано: когда Толстой пишет знаменитые антигосударственные построения, Уилсон считает, что это самое глупое, что когда-либо за свою жизнь сделал Толстой, и самое «нерусское». Глупо это или умно – тут не нам судить, это зависит исключительно от общественно-политических взглядов говорящего. А вот что касается «нерусского» – тут он просто не прав, потому что есть огромная русская традиция ухода, разбегания, выхода за пределы. Примеры тому есть в народной среде (беглые крестьяне), в дворянской и разночинной.

Поразительно в Ельцине то, что он был всю жизнь именно таким! Он был партийным аппаратчиком, он был чиновником, и он был главой государства, главой аппарата насилия и принуждения. Но вот этот драйв, какое-то человеческое желание свободы в нем всегда были и составляли внутреннюю основу. Что-то в человеке оказалось сильнее – да, я думаю, что он был потомком кулаков, старообрядцев, и крестьянская жилка сыграла в нем какую-то роль, возможно, как и в Ломоносове, этакое северное поморское начало... Вряд ли это были гены, конечно; но воспитание, опыт детства, то, что он видел у родителей, ценности семьи – все это должно было сказаться. Даже самое бюрократическое, что мне показали в Ельцин-центре, говорит об этом. Ельцин хотел стать начальником, потому что начальники живут благополучно, и он пишет: в 1990 г. честно признался, что хотел стать начальником. Но стать начальником – это же значит сломать свою судьбу! Он своей мечты смог добиться и стал большим начальником, но оказалось, что ему тесно. С этим, может быть, связаны его недостатки как государственного деятеля. Было видно, что в какие-то периоды жизни уже на посту президента ему просто стало скучно. То, что требовало тяжелой бюрократической рутины, может быть, ему давалось хуже, потому что он любил сильный жест, разлом, кризисное решение.

Бурлина: С именем Ельцина многие люди связывали настоящий культ лидера: русский-уральский, советский руководитель и интеллигент, который ни за что не позволял ограничивать прессу, но и не желал отдавать власть своим политическим противникам. Многие аналитики сходятся в том, что Ельцин был личностью, наделенной

фантастическими способностями «впитывать время», отзываться на чужое горе, и невероятной мобильностью. Он сам пережил в детстве и юности горькие обиды, сделал невероятную для сельского парня руководящую карьеру и был любим сотнями людей, с которыми его сводила работа. Трогательны свидетельства о том, как Борис Николаевич с Наиной Иосифовной дружили со своими институтскими однокурсниками – обменивались толстыми журналами, последними фильмами. Его параллельными мирами были и жесткая власть, и сочувствие к ужасающей бедности людей, которым он, несомненно, хотел лучшей доли, и «дикое счастье» 1990-х.

И еще одна культурологическая детерминанта. Урал – «хребет России», совмещающий, как считает писатель и культуролог А. В. Иванов, разные культурные матрицы – неутолимую и мощную сельскую языческо-христианскую, а рядом – горнозаводскую, уважающую знание и мастерство: «Горнозаводская цивилизация» по отношению к крестьянской русской цивилизации – цивилизация “постмодернистская”: Россия была сельской и феодальной, а Урал – заводским и капиталистическим. Вот этот старинный “постмодернизм” – ноу-хау» [Иванов]. Б. Н. Ельцин, несомненно, воплощал в себе обе эти матрицы – индустриальную и советско-феодальную, с чем и был связан его «культ», его притягательность для людей, а в других случаях – непримиримость отторжения.

Оказался ли он лидером «благодаря» или «вопреки»? Если имеется в виду Ельцин в 1987–1991 гг., выступавший «вопреки», то он отвечал общенародной потребности в радикальных действиях, риторике и жажде перемен. Он чутко уловил потребность в тех самых решительных шагах, которых люди ждали. Он пошел на автономию России, избежав кровопролитий и сохранив за Российской Федерацией атомное оружие. На это было настроено большинство народа. В трамваях говорили, что «Россия кормит все республики», несмотря на результаты официальных опросов. В стране наконец заполнились прилавки. В этот период Ельцин был рупором и «гением места», о чем свидетельствуют интервью разных людей тех лет [Млечин].

Впоследствии общественное мнение раскололось, и так продолжается до сих пор. Прочитируем историка и журналиста Н. К. Сванидзе, который еще в 1990-х гг. в своих «Исторических хрониках» собирал мнения современников, а совсем недавно сформулировал: «Люди, которые благодарны Б. Ельцину, и люди, которые не могут простить Б. Ельцина, в конечном счете образуют, может быть, две большие группы российских избирателей. Это отношение к реформам, отношение к развалу СССР...» [Сванидзе]. Сам первый Президент России писал о необходимости действий «благодаря» или «вопреки». Раскол диагностируют авторы современных научных исследований. Оглядываясь назад, аналитики фиксируют, что в 1990-е гг. не было не только системы взаимодополняющих институтов, но и понимания «длинного времени», которое необходимо для воспитания новых ценностей

и норм, ведущих от архаики и тоталитаризма к защищенности свободных и ответственных людей.

Орлов: Культ «героя» создается вопреки реалиям. Это миф, в котором все, что порочит «героя», отбрасывается или подается в оптимальном контексте. Возьмите, к примеру, нашумевший мультфильм об истории российского государства, который прокручивается в Ельцин-центре: «И вот пришел царь Борис...» Речь идет будто о тех варягах, которых пригласили править, о той формуле, которую еще Козьма Прутков высмеивал. И здесь Никита Михалков в отношении к Ельцин-центру до известной степени прав: нельзя же упрощать российскую историю и делать из нее фарс! (Это, конечно, не означает, что сам Михалков владеет некоей исторической истиной.)

Итак, благодаря «культу Ельцина» и его знаковой реализации (в символической и институционализированной форме Ельцин-центра) мы имеем возможность находиться в прямом диалоге с историей о судьбах свободы и демократии в нашей стране. Отмечу, что чрезвычайно интересный музей И. Броз Тито в Белграде в настоящее время закрыт. А мавзолей Ленина в Москве – под вопросом. Что касается Екатеринбурга, то в данном случае благодаря активной работе Ельцин-центра имеется шанс сохранить не только образ «героя», но и актуальный дискурс об эпохе, которая *была и не умерла*.

Зорин: Я бы не сказал, что Ельцин – более драматическая и разделяющая фигура сегодня, чем Сталин и чем Ленин – безусловно, потому что Ленин никому вообще не интересен. Его забыли, он лежит себе и лежит. Да и вопрос, был ли он злодеем или благодетелем, в сущности, совершенно развенчан. Сталин, на мой взгляд, фигура центральная и основная в российской истории на сегодняшний день, в этом смысле ни Ельцин и никто другой конкурировать с ним не может, это, так сказать, центр и ось. Но мне кажется еще, что количество людей, которые позитивно относятся к Ельцину сегодня, гораздо меньше, чем количество людей, которые негативно относятся к Сталину. Существует, я бы сказал, корреляция: если человек с уважением, с восхищением относится к Ельцину, можно быть уверенным, что Сталина он ненавидит. В обратном соотношении масса людей, которые ненавидят Сталина лютой ненавистью, считают, что Ельцин был нормальный коммунистический аппаратчик, он передал власть той номенклатуре, которая сегодня продолжает нами командовать. Это распространенная точка зрения, и, я бы сказал, количественно среди антисталинистского меньшинства она распространена больше. Даже внутри такого убежденного антисталинистского меньшинства люди, которые с уважением относятся к Ельцину, остаются в меньшинстве, поэтому это совсем маленькое меньшинство.

Из воспоминаний Е. Гайдара известно, что сам Ельцин очень не хотел при жизни прославления, и когда к нему Гайдар приходил с разговорами о том, что правительство непопулярно, что правительству нужно частное телевидение и прочее, Ельцин всегда был

категорически против: «Вы что, опять хотите отдел пропаганды создать? Пока я президент, этого не будет». И возражал против официального прославления себя. Гайдар склонен был потом признать, что он был прав, потому что непопулярные реформы были обречены, и это бы только вызывало дополнительное раздражение. Тогда ему казалось, что надо разъяснять, показывать и так далее, а ретроспективно он решил, что Ельцин был прав. Некоторые страшные вещи отложились в памяти, потому что была проиграна символическая борьба за имиджи и картинки, в особенности вокруг 1993 г. Одна формулировка «расстрел парламента» чего стоит! Между тем, сегодня, пожалуй, нет уже человека, который бы вспомнил, что в 1991-м он был на одной стороне, в 1993-м – на другой... Эти две истории соединились в единую цепь.

Кто поднял эту мифологическую волну с пресловутой формулой «расстрел парламента», с иконографией загоревшегося Белого дома – а это ведь главная картинка и главная история? Ее не создали бы ни Хасбулатов, ни Руцкой... Это были какие-то телевизионные деятели (я здесь говорю совершенно бездоказательно, я ведь не занимался исследованием). Вообще интересно было бы какого-нибудь публичного историка (у нас есть ведь программа «Публичные историки») попросить позаниматься этим вопросом и узнать, кто это придумал, кто создал мифологию. Но интуитивно мне кажется, что это мог быть кто-то из волны радикальных демократов, которые осуждали применение силы. В музее Ельцина мне было бы интересно увидеть Явлинского, выступавшего ночью 1993 г. Я помню это выступление, поскольку через шесть лет, в 1999 г., он голосовал за импичмент по поводу событий 1993 г. Люди меняют свои точки зрения, но тогда уж скажи: я в 1993 г. думал так, а сейчас я думаю совершенно иначе. Понятно, что это не музей Явлинского и вообще не музей политической истории 1990-х, но мне не хватало здесь кадров Явлинского, выступавшего за импичмент в 1999 г. Была такая тоже не ставшая ходовой, но замечательная фраза именно 1993 г.: интеллигенция не может простить Ельцину того, что он не дал ее повесить...

Емельянов: Создание Ельцин-центра влияет на формирование памяти о Борисе Ельцине и на особенности восприятия его образа. Общепринято, что процесс заимствования институтов памяти является частным проявлением более общего процесса диффузии инноваций. При этом успешная диффузия возможна только в случае адаптации нововведения в иной культурной среде. Данная адаптация нередко является амбивалентным процессом, включающим не только изменение общества под влиянием инноваций, но и модификацию самих нововведений, их приспособление к особенностям принимающего общества. Кстати, на эту амбивалентность еще в начале XX в. обратил внимание В. О. Ключевский, писавший о петровских преобразованиях: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядела, как русская старина преображала реформу» [Ключевский, с. 340].

Зорин: Я не был ни в одном американском городе, где есть президентские центры, поэтому мне трудно сравнить. Но вот что я считаю очень важным (может быть, я не прав, и это не оригинально): центр такого рода должен иметь три опоры. Что же это за опоры? Во-первых, экспозиционная сторона – по-моему, она блистательна. Во-вторых, культурно-просветительская сторона – тоже блистательна. А вот как обстоят дела с третьей опорой, с научно-исследовательской стороной – мне неясно.

Я думаю, что такого рода центр и музей просто не живет без мощной исследовательской базы. Направлением научной работы могла бы быть социально-политическая история России советского и постсоветского периода – мне кажется, это совершенно очевидно напрашивающаяся тематика, сфера, в которой создано огромное количество исторических мифов, нуждающихся в опровержении. А уж если учесть, что Ельцину посчастливилось связать свою судьбу с таким городом, где находится, вероятно, лучший в России исторический факультет, то ясно, что здесь просто необходимо делать научные проекты, создавать интересные идеи, чтобы кипела исследовательская жизнь. На мой взгляд, такая научная работа необходима.

Список литературы

- Адорно Т. В.* Негативная диалектика. М. : Науч. мир, 2003. 374 с.
- Болтунова Е. М.* Пространство (ушедшего) героя: образ лидера, историческая память и мемориальная традиция в России (на примере Ельцин-центра) // Новое лит. обозрение. 2017. № 2 (144). С. 154–173.
- Бурлина Е.* Бонн: Дом немецкой истории // Город – Страна – Планета : альманах. Вып. 2. Düsseldorf : [S. I.], 2001. С. 43–45.
- Иванов А. О* «горнозаводской цивилизации» // Новый компаньон [сайт]. 2009. 8 сент. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-406018.html> (дата обращения: 27.02.2018).
- Ключевский В. О.* Памяти С. М. Соловьева // Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. 7. С. 329–344.
- Макарова Г. В.* Театральное искусство Германии на рубеже XIX и XX веков. М. : Наука, 1992. 335 с.
- Млечин Л.* Горбачев и Ельцин : Революция, реформы и контрреволюция. М. : Питер, 2012. 448 с.
- Сванидзе Н. К.* Ответы журналиста и историка Николая Сванидзе на ваши вопросы // Радиостанция «Эхо Москвы» [официальный сайт]. 2017. 11 авг. URL: <http://echo.msk.ru/programs/bezkupur/2035198-echo/> (дата обращения: 27.02.2018).
- Hufbauer B.* Presidential Temples : How Memorials and Libraries Shape Public Memory. Lawrence : Univ. Press of Kansas, 2005. 288 p.
- Nappo C. A.* Presidential Libraries and Museums. Lanham : Rowman and Littlefield, 2018. 262 p.
- Wilson A.* Tolstoy : A Biography. L. : Hamish Hamilton, 1988. XXVIII + 572 p.

References

- Adorno, T. V. (2003). *Negativnaya dialektika* [Negative Dialectics]. Moscow, Nauchnyi mir. 374 p.

Boltunova, E. M. (2017). Prostranstvo (ushedshego) geroya: obraz lidera, istoricheskaya pamyat' i memorial'naya traditsiya v Rossii (na primere El'tsin-tsentra) [The Space of the (Departed) Hero: The Image of the Leader, Historical Memory and Memorial Traditions in Russia (as Exemplified by the Yeltsin Centre)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (144), pp. 154–173.

Burlina, E. (2001). Bonn: Dom nemetskoj istorii [Bonn: Museum House of German History]. In *Gorod – Strana – Planeta. Al'manakh*. Iss. 2. Düsseldorf, S. 1., pp. 43–45.

Hufbauer, B. (2005). *Presidential Temples: How Memorials and Libraries Shape Public Memory*. Lawrence, Univ. Press of Kansas. 288 p.

Ivanov, A. (2009). O “gornozavodskoj tsivilizatsii” [About “Mining Civilization”]. In *Novyi compan'on* [website]. September 8. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-406018.html> (mode of access: 27.02.2018).

Klyuchevskii, V. O. (1989). Pamyati S. M. Solov'eva [In Memoriam. S. M. Soloviev]. In Klyuchevskii, V. O. *Sochinenia v 9 t.* [Works. 9 Vols.]. Moscow, Mysl'. Vol. 7, pp. 329–344.

Makarova, G. V. (1992). *Teatral'noe iskusstvo Germanii na rubezhe XIX i XX vekov* [The Theatrical Art of Germany at the Turn of the 19th Century]. Moscow, Nauka. 335 p.

Mlechin, L. (2012). *Gorbachev i El'tsin. Revolyutsiya, reformy i kontrrevolyutsiya* [Gorbachev and Yeltsin. Revolution, Reform, and Counter-revolution]. Moscow, Piter. 448 p.

Nappo, C. A. (2018). *Presidential Libraries and Museums*. Lanham, Rowman and Littlefield. 262 p.

Svanidze, N. K. (2017). Otveti zhurnalista i istorika Nikolaya Svanidze na vashi voprosy [Answers of web Publicist and Historian Nikolay Svanidze to Your Questions]. In *Radiostantsiya “Echo Moskvu”* [official site]. August 11. URL: <http://echo.msk.ru/programs/bezkupur/2035198-echo/> (mode of access: 27.02.2018).

Wilson, A. (1988). *Tolstoy: A Biography*. L., Hamish Hamilton. 572 p.

The article was submitted on 15.03.2018